

В устах Чэнь Хунбин её сын Сян Хаомин был безупречен — отличник, трудолюбивый, почтительный к родителям, разумный, никогда не баловался, пользовался хорошей репутацией как в школе, так и в переулке Фанлун, и в будущем непременно должен был поступить в престижный университет и добиться успеха. Единственным пятном на его безупречной репутации был никчемный отец.

Однако стоило Минг Шу задать конкретные вопросы — участвовал ли Сян Хаомин в каких-либо школьных мероприятиях, какие у него были оценки по отдельным предметам, чем он увлекался, — Чэнь Хунбин не могла ничего ответить.

— У вас дома обычно бывает алкоголь? — спросил Минг Шу.

Чэнь Хунбин покачала головой:

— Кроме этого старого ублюдка, у нас никто не пьёт. А... а что не так с алкоголем?

Согласно заключению Син Му, перед смертью Сян Хаомин выпил большое количество алкоголя. Он мог взять его из дома, а мог купить за наличные уже после ухода. На данный момент было невозможно установить, выпил он по собственной воле или его заставили.

— Вы уверены, что у него не было привычки пить? — спросил Минг Шу.

Сначала Чэнь Хунбин уверенно кивнула, но через несколько секунд замялась.

— Вы не уверены? — уточнил Минг Шу.

— Я... я не знаю! — в слезах воскликнула Чэнь Хунбин. — Он ведь такой послушный, я думала, он точно не курит и не пьёт, но... но...

— Но он и пил, и курил? — мягко подсказал Минг Шу.

— Про алкоголь я действительно не знаю. Но однажды, когда я стирала его одежду, почувствовала сильный запах табака.

Запах табака на одежде ещё не означает, что человек сам курил — возможно, просто находился рядом с курящими. И даже если он действительно курил, это ещё не говорит о том, что он пил.

Минг Шу посмотрел на эту безутешную мать, которая, казалось, почти ничего не знала о своём сыне, и спросил:

— Вы называете Сян Лина "старым ублюдком". Что между вами произошло?

— Мне вообще не следовало за него выходить! Он испортил мне всю жизнь!

По словам Чэнь Хунбин, с Сян Лином она познакомилась через начальника цеха в моторном заводе.

В те годы у людей почти не было денег — собирались вместе и просто как-то жили. Чэнь Хунбин, благодаря своей привлекательности, была заводской "звездой", и, увидев, что Сян Лин человек честный, да ещё и с хорошими связями у начальства, решила выйти за него замуж.

Первые годы после свадьбы жизнь была более-менее. Но стоило ей увидеть, как молодые и красивые женщины выходят замуж за "богачей", и сравнить с собственным мужем, как внутри начинало всё закипать.

До замужества за ней тоже ухаживал один "богач", но тогда она гналась за стабильностью, отказала, выбрала спокойную жизнь. А теперь смотрела на Сян Лина — ни внешности, ни характера — и если бы не ребёнок, давно бы с ним развелась.

Раньше на моторном заводе все были на общем пайке, но хорошие времена быстро закончились — предприятие прошло через реструктуризацию. Сначала Чэнь Хунбин и Сян Лин даже радовались, что не остались без работы. Но шли годы, и те, кто раньше получал столько же, либо занялись бизнесом и разбогатели, либо остались на заводе и сделали карьеру, а они всё так же жили на старую, ни разу не повышенную зарплату, едва сводя концы с концами.

Примерно с того времени, как Сян Хаомин пошёл в среднюю школу, неприязнь Чэнь Хунбин к Сян Лину начала стремительно расти. В её глазах он был взрослым мужчиной без капли способностей — нерешительный, не умел бороться за своё, не умел заискивать перед начальством, и по всем статьям заслуживал, чтобы прожить жизнь без каких-либо достижений.

В этом году, в первой половине, на заводе открылся набор на "внутренний выход на пенсию", и Сян Лин, не посоветовавшись с Чэнь Хунбин, оформил все документы и ушёл. От злости она чуть не сошла с ума — выгнала его из дома искать работу, и, как сама призналась, готова была проклясть его, лишь бы он умер где-нибудь на улице. С начала зимы Сян Лин часто не ночевал дома. Чэнь Хунбин не знала, чем он занимается, и знать не хотела. По её словам, такой жалкий мужчина только тянет семью на дно своим существованием.

Минг Шу видел немало родственников жертв, но с такой злобой, как у Чэнь Хунбин, сталкивался редко.

Изначально она была безутешна, но стоило разговору зайти о Сян Лине — и скорбь в её глазах тут же сменилась ненавистью.

Её ненависть к мужу была сильнее боли от потери сына.

Минг Шу немного поразмышлял, а затем снова спросил:

— Вспомните, за последний год Сян Хаомин с кем-нибудь ссорился? Может, кому-то перешёл дорогу?

Чэнь Хунбин снова выглядела растерянной:

— Хаомин — хороший мальчик. Как он мог кому-то не понравиться?

Минг Шу вздохнул. Он понял, что задал глупый вопрос.

Скорее всего, Сян Хаомин был для Чэнь Хунбин просто поводом для гордости. Каким он был на самом деле — она вряд ли могла бы ответить.

— А вы? — спросил Минг Шу. — Вы с Сян Лином ни с кем не ссорились?

Чэнь Хунбин резко воскликнула:

— Это что, кто-то из наших врагов убил моего мальчика?

— Сейчас у нас очень мало зацепок, — сказал Минг Шу. — Но мы не исключаем такой возможности. Вам никто не приходит на ум?

Чэнь Хунбин принялась тереть пальцы, её глаза забегали, она бормотала себе под нос:

— Этот старый ублюдок и неудачник... его вообще никто не замечает... Ян Гуйчжэнь? Неужели это Ян Гуйчжэнь?

— Вспомнили что-то? — спросил Минг Шу.

Морщины на лице Чэнь Хунбин заметно дёрнулись:

— Это Ян Гуйчжэнь и её сын! Они всегда завидовали моему Хаоминю!

Выйдя из комнаты для допросов, Минг Шу облокотился на стену и долго тер виски пальцами.

Чэнь Хунбин считала Ян Гуйчжэнь виновной, но её обвинения не имели под собой никаких

оснований. Ещё до возвращения в уголовный отдел Минг Шу успел побывать у Ян Гуйчжэнь. Она была такой же, как Чэнь Хунбин, — женщина из бедной семьи, без образования, легко поддающаяся слухам и сплетням, с болезненной тягой к сравнению, особенно когда речь шла о детях. В одном Чэнь Хунбин была права: Ян Гуйчжэнь действительно могла завидовать Сян Хаомину. Но могла ли эта зависть дойти до убийства? В теории — да, на практике — крайне маловероятно. Уж слишком не вяжется её психотип с тем ритуальным, жестоким способом, которым был убит мальчик.

17-летний подросток из бедной семьи. Отец пропал на несколько дней. В канун Нового года строгая мать заставляет сидеть дома и решать задания. А он, около одиннадцати вечера, уходит из дома тайком, сославшись на желание "почувствовать атмосферу праздника". Если Ян Гуйчжэнь не соврала, почему спустя всего несколько часов его находят жестоко убитым в яме, что была всего в километре от дома?

Переулок Фанлун был не самым безопасным местом. Возможно, Сян Хаомин столкнулся с каким-то преступником. Но обычному грабителю нужны деньги, а убийство — лишь способ скрыть следы. И точно уж такие преступники не стали бы устраивать на месте подобную дьявольщину.

Так может, это была месть?

Но Чэнь Хунбин не смогла вспомнить ни одного человека, кто имел бы с ней или с Сян Лином вражду.

Все подозрения вновь вернулись к самому Сян Хаомину.

Но кто же на самом деле знал Сян Хаомина?

Минг Шу снова пролистал бумаги в руках, взгляд остановился на названии школы, где учился Сян Хаомин.

Первая школа иностранных языков города Донгье.

Большинство жителей переулка Фанлун были рабочими моторного завода, и их дети обычно учились в 31-й средней школе Донгье (бывшая Вторая школа при моторном заводе).

Минг Шу был не местным, ему не нужно было ломать голову над вопросами образования, но общее представление о структуре школьной системы в Донгье у него было. Школа вроде 31-й считалась у большинства родителей «помойкой», а если выразиться резче — «школой для отбросов общества»: слабые преподаватели, плохой контингент учеников, бедные семьи, и почти никто не поступал в университет. А вот Первая школа иностранных языков была совсем другим делом — одна из пяти лучших школ в городе. В её старшие классы принимали как учеников с отличными результатами вступительных экзаменов, так и тех, чьи родители могли позволить себе внести десятки или даже сотни тысяч юаней за «платное место».

Сян Хаомин мог попасть туда только благодаря своим оценкам.

Со стороны лестницы послышались шаги. Минг Шу повернулся и увидел, как с верхнего этажа спускается Сяо Юань.

Минг Шу поднял руку:

— Начальник Сяо.

— Я ознакомился с докладом, — сказал Сяо Юань. — Только что Сюй Чунь прислал отчёт по проверке на месте. В глазах Чэнь Хунбин и в глазах соседей Сян Хаомин — два совершенно разных человека.

Минг Шу кивнул:

— Я тоже заметил. Чэнь Хунбин знает о сыне крайне поверхностно. Тот Сян Хаомин, о котором она говорит, скорее всего, просто её идеал, а не настоящий человек.

Согласно отчёту Сюй Чуня, Сян Хаомин был молчаливым и неразговорчивым, редко общался с соседями, но при этом был вежлив и обходителен — никогда не забывал поздороваться, если его кто-то окликал. Это совпадало с тем, что рассказывала Ян Гуйчжэнь.

Кроме того, Сян Хаомин действительно учился отлично — он был единственным в переулке Фанлун, кто поступил в престижную школу.

Среди местных подростков — таких, как Сюй Бинбин, — большинство либо уходило в профтехучилища, либо кое-как получали школьный аттестат. Но бывали и те, кто хотел добиться чего-то в жизни. И Сян Хаомин никогда не отказывался помочь тем, кто просил у него объяснить материал: стоило достать учебник, и он начинал объяснять.

Лю Линмэй, которой сейчас 15 лет и которая в этом году сдаёт вступительные экзамены в старшую школу, неоднократно обращалась к нему за помощью. Она говорила, что одновременно и благодарна, и боится Сян Хаомина. Он действительно очень ей помог, но при этом создавал ощущение отчуждённости, словно был где-то «выше» всех.

— То есть, Сян Хаомин — очень противоречивый человек, — сказал Минг Шу. — Он вполне мог бы и не помогать Лю Линмэй.

— Возможно, — ответил Сяо Юань. — Но, помогая другим, он мог черпать какую-то важную для себя эмоцию. Я бы назвал её чувством «признания». В этом возрасте подростки особенно чувствительны, у них бывают тревоги, которых взрослым трудно понять. На него давили родители, окружение, даже учителя и одноклассники — пусть и незаметно.

Минг Шу задумался на секунду, потом спросил:

— Начальник Сяо, вот если упомянуть петарды — что первое приходит тебе в голову?

— Новый год, открытие магазина, свадьба, похороны, — перечислил Сяо Юань. — И ещё дети.

— Когда петарды запускают взрослые, — сказал Минг Шу, — это, как правило, связано с определённым событием. Как ты и сказал: торжество, похороны, праздники. Но дети запускают петарды просто потому что им весело. Это не необходимость — это радость.

— Смерть Сян Хаомина наступила от механической асфиксии, — сказал Сяо Юань. — Петарды не были основной причиной. Скорее... жестокая насмешка.

Офис криминалистики.

Чжоу Юань поднялся со своего места:

— У меня есть все записи звонков и переписок Сян Хаомина. Я обнаружил кое-что любопытное.

Минг Шу бросил взгляд на экран, полный строк кода:

— Что именно?

— Сян Хаомин учился в 11-м классе естественнонаучного профиля, класс 17. Я навёл справки: этот класс — не из числа лучших. Большинство учеников туда попали по платной основе, потому что не прошли по баллам. Но были и такие, как Сян Хаомин, кто поступил за счёт высоких результатов. Однако все они учились не очень хорошо. — Чжоу Юань продолжил: — Он был старостой по физике, состоял в классной группе, но писал там только когда нужно было напомнить о сдаче домашки. В остальное время — ни слова. В списке его друзей всего восемь одноклассников. Сейчас я скину тебе имена. Судя по всему, он добавлял их только чтобы переводить деньги — никакого общения.

— Переводить? — переспросил Минг Шу.

Чжоу Юань открыл данные:

— Суммы были небольшими: десять, пятнадцать, максимум тридцать юаней. Видимо, он покупал им обед, а потом они переводили деньги обратно.

— То есть у него в школе не было друзей? — уточнил Минг Шу. — А кто с ним общался чаще всего?

— Он почти ни с кем не переписывался, особенно после начала зимних каникул. Каждый день звонила мать — похоже, контролировала. 19 января, за несколько дней до праздника, ему позвонил отец — Сян Лин.

— У Сян Хаомина нет своего круга общения, — сказал Минг Шу. — Даже хобби нет...

— Кстати, о хобби, — отозвался Чжоу Юань. — Я проверил компьютер семьи Сян. Ни одной установленной игры, в браузере — ничего необычного. У меня сложилось ощущение, что Сян Хаомин — это ребёнок, которого мать постоянно подгоняла, давила, и который почти не умел думать сам.

— Пришли мне данные по тем восьми ученикам, — сказал Минг Шу. — А по Сян Лину всё так же ничего?

— Его телефон в последний раз использовали 21 января, накануне Нового года по лунному календарю. Социальных сетей у него нет, но с 19 по 21 он общался с разными людьми. Фан Юаньхан уже пошёл проверять, чуть позже должен сообщить, что узнал.

Минг Шу склонился над планшетом, водя пальцем по экрану.

Там были материалы по тем самым восьми одноклассникам, которых ему только что скинул Чжоу Юань. После того как мать обнаружила исчезновение Сян Хаомина, с частью этих ребят уже связывалось местное отделение полиции.

И тогда все они ответили одинаково: после начала каникул Сян Хаомина больше никто не видел и не знает, куда он делся.

Сейчас были зимние каникулы, да ещё и период праздников — допросы школьников и учителей становились делом непростым. Но всех этих людей Минг Шу собирался опросить лично.

Он вышел из здания и направился к машине, припаркованной через улицу.

Форму он сегодня не надел — не собирался ехать к ученикам на служебной машине. Но не успел он пройти и нескольких шагов, как позади послышался знакомый голос:

— Капитан Минг!

Это был Сяо Юань — он догнал его.

Минг Шу сразу понял, что Сяо Юань решил ехать с ним, но всё же с привычной лёгкостью спросил:

— Заместитель Сяо, куда это ты?

— В твою машину, — усмехнулся тот. — Давненько я не выезжал в поле. Раз уж сегодня не так много дел, хочу немного прочувствовать атмосферу.

Минг Шу открыл водительскую дверь и, пристёгиваясь, сказал:

— Ты ведь не просто так — это дело тебе особенно важно, да?

На улице стоял крепкий мороз, двигатель ещё не прогрелся. Они сидели в машине, в ожидании, когда включится тёплый воздух.

— Это дело довольно особенное, — сказал Сяо Юань. — Во-первых, замешан несовершеннолетний. Во-вторых, метод убийства крайне жесток и абсурден. Основываясь на прошлых делах, я подозреваю, что это — "чистое зло".

— Чистое зло... — тихо повторил Минг Шу.

Большинство преступлений, совершаемых в современном обществе, имеют отчётливый мотив: месть, зависть, корысть, страсть, — в самых обычных случаях причиной становится эмоциональный всплеск. Во многих делах именно мотив — ключ к разгадке.

Но существуют и такие преступления, мотив которых не поддаётся логике. В некоторых странах их называют "преступления без мотива". Убийца получает удовольствие от самого факта убийства. Его движет одно лишь — "чистое зло".

Температура в салоне медленно поднималась, но Минг Шу всё равно почувствовал, как его пробрал холод.

Хэ Ян, описанный в рассказе Ху Ина, — как раз и был олицетворением такого "зла".

Заставить других убивать друг друга — для него это всего лишь развлечение.

— Поехали, — сказал Сяо Юань.

Южный район, жилой комплекс.

В разгаре должен быть праздник, но в этом районе веселье давно стало головной болью.

Две полицейские машины остановились у центра управления жилым комплексом, а перед ними бушевала толпа: недовольные жители били в барабаны, выкрикивая лозунги. Один из невысоких полицейских едва выбрался из машины.

— Против закрытия зелёной набережной!

— Все жильцы имеют право пользоваться инфраструктурой комплекса!

— Я подам жалобу! Журналисты с телевидения и из газет уже в пути!

Несколько сотен жильцов держали транспаранты, все с сердитыми лицами. Охранники были прижаты к стеклянным дверям, а кто-то даже притащил деревянную дубинку с торчащими гвоздями — собирался пустить в ход.

Полицейские пытались сдерживать толпу, но без особого успеха.

Собственники и управляющая компания стояли по разные стороны конфликта. Жильцы требовали снести ворота, установленные у трёх входов на зелёную набережную, но управляющая компания упорно отказывалась.

В разгаре конфликта одну из полицейских машин опрокинули. Телевизионщики, приехавшие как раз в этот момент, всё сняли на камеру.

В эпоху интернета новость ещё не вышла в эфир, а видео уже разлетелось по Сети, вызвав резонанс по всему городу.

«Весенний прилив у реки» — это смешанный жилой район: территория большая. Южная часть, ближе к реке — это таунхаусы и виллы. Владельцы этих домов имели личные садики, парковки, тишину и зелёную дорожку, отделяющую их от набережной.

Северная часть — это обычные жилые дома, где квартиры стоили в среднем по городу.

Поэтому складывалась ситуация, что весь жилой район пользовался одним входом, но фактически делился на "богатых" и "обычных".

До этого Нового года выход на зелёную набережную был открыт, и жильцы из северной части ежедневно гуляли там утром и вечером.

Но владельцы жилья в южной части пожаловались — мол, им мешают шумные соседи. При

продаже жилья застройщик обещал "личную зелёную зону", уединение и тишину. Они считали, что жителям севера не место на набережной.

В канун Нового года управляющая компания втихаря установила ворота, полностью перекрыв северянам доступ к набережной. Повесили объявление: "Только для владельцев таунхаусов и вилл".

Конфликт начал разгораться уже в первый день Нового года. К этому моменту противостояние между севером и управляющей компанией стало тотальным.

Первым, с кем Минг Шу и Сяо Юань должны были поговорить, был ученик по имени Лай Чэн — он жил как раз в южной части комплекса.

Из садика вдруг выскочила белоснежная собака породы самоед, "улыбаясь", прыгнула прямо на Минг Шу. За ней выбежал парень в чёрной маске, вежливо извинился:

— Простите, она вас не поцарапала?

Минг Шу внимательно посмотрел на юношу:

— Ты Лай Чэн?

Взгляд парня вдруг стал настороженным. Он оглянулся на Минг Шу и Сяо Юаня, нахмурился:

— Вы... вы полицейские?

<http://bllate.org/book/14859/1322024>